

Судьбы ученого, судьбы науки

Е.Б. Рашковский

Недавно Нодари Александровичу Симония, академику РАН, профессору МГИМО, выдающемуся ученому – востоковеду, экономисту, политологу, международнику, историку, – исполнилось 80 лет. С этим активным, бодрым и деятельным, полным дальнейших научных планов человеком, которому удалось весьма успешно поработать на повышение авторитета нашей науки в мировом сообществе (Н.С.), беседовал причисляющий себя к «симониевской школе» д.и.н., профессор Е.Б. Рашковский (Е.Р.).

Е.Р. Нодари Александрович, ваши статьи в газетах и в «Вопросах истории» я читал еще в шестидесятые годы, а знаком и работаю с вами уже три десятка лет. Но все эти годы не устаю удивляться вашей активности, во-первых, как исследователя, а во-вторых, как организатора науки, то есть научного руководителя, который способен сочетать собственные широкие научные замыслы с интеллектуальным складом своих коллег. Для начала я попросил бы вас в двух словах рассказать об основных вехах вашего жизненного пути.

Н.С. Неожиданный вопрос... Ибо моя биография может поместиться в стандартной анкете, в двух-трех строчках, потому что после окончания аспирантуры я поступил в Институт востоковедения АН СССР, а пребывание в стенах ИВАН – за вычетом каких-нибудь полутора-двух месяцев – растянулось на целые тридцать лет. Всего одна графа – Институт востоковедения... Там я поднимался от младшего научного сотрудника к старшему, к заведованию сектором, а далее – отделом. А уж что касается последних тринадцати лет, то я принял (с некоторым опозданием, после годичного с лишним размышлений) приглашение моего бывшего директора, Е.М. Примакова, перейти сюда, в Институт мировой экономики и международных отношений

Рашковский Евгений Борисович – д.и.н., профессор, главный н.с. ИМЭМО РАН. E-mail: vestnik@mgimo.ru

---

■ Золотой фонд МГИМО

Академии наук в качестве заместителя директора. А с сентября 2000 г. стал его директором. Вот, собственно, с точки зрения формальной и вся биография.

А если брать вехи собственно научной деятельности, то, очевидно, первой моей серьезной вехой была кандидатская диссертация. Как мне сейчас кажется, мне удалось написать книгу, может быть, не столько глубокую по содержанию, сколько - для тех времен - непривычную и по названию, и по теме. Речь шла о хозяйственной активности и о роли китайского населения в экономике стран Юго-Восточной Азии.

В те годы сама такая постановка вопроса выглядела необычно. Вскоре книга была переведена на английский. В те времена американцы переводили советские научные издания, посвященные лишь точным и естественным наукам и технологии. Наука ими воспринималась только в этом, локальном преломлении: science. Но в конечном счете книгу, которую я издал здесь, в Москве, они перевели в Корнелльском университете, в серии Russian Studies. И это стало для меня важной жизненной вехой. Одно дело - защитить кандидатскую и издать ее в виде книжки здесь, хотя и это было нелегко, а другое дело увидеть ее в американском издании...

С тех пор, кстати говоря, каждый раз, когда я писал очередную книгу или брошюру, и даже просто статью, я всегда мысленно обращался не только к своим коллегам здесь, в СССР, позже в России, но постоянно держал в уме и нечто иное: а что скажет там, как некий «контролер» или оценщик, такой-то авторитет в такой-то области - в Корнелле, в Беркли, в Колумбийском университете? Таким образом, я постоянно расширял круг возможных «контролеров» моей научной состоятельности.

Потом - следующая веха. С докторской я не торопился. Я предполагал написать докторскую по экономическому профилю, даже четыре главы написал. Но - не хочу останавливаться на этом детально - был такой эпизод в моей жизни, когда мне популярно объяснили: вы, мол, нас критиковали в своих публикациях, а мы вот в ваковской комиссии состоим, так что докторскую вашу можем и не пропустить...

Чтобы не идти на компромиссы, я вынужден был стать доктором исторических наук, а злосчастные четыре главы пришлось полностью выбросить и писать нечто новое. И вот эта докторская стала очень серьезной вехой в моей научной жизни, потому что, прочтя целиком, причем дважды (первый раз у меня ушло на это восемь месяцев), новое издание Ленина, которое благодаря Хрущеву вышло почти без купюр, я понял следующее. То, что я изучал до тех пор, и то, что у нас почему-то называется марксизмом-ленинизмом, на самом деле далеко от истины и от жизни.

Первое сомнение в нашем так называемом «социализме» - теперь я иначе как в кавычках и именовать-то его не могу, - закралось у меня после прочтения Ленина именно в этом Полном собрании сочинений. А уж потом я решил почитать и Маркса, - по счастью, тогда он тоже вышел в достаточно полном виде. И когда я увидел, что именно было вырезано прежде (а там изъятия были обозначены), я понял, что марксистское наследие фальсифицировано. Мое прозрение наступило именно тогда... Некоторые нынче говорят, что они чуть ли не с детства сомневались в марксизме и советском строе. Но у меня все началось именно в тот момент. И получилась моя диссертация, как мне приписывали, сугубо антисоветской. А самые «яркие» мои оппоненты честили меня антимарксистом, хотя я и старался быть в этой работе предельным марксистом. Тем не менее меня «разоблачали».

Ситуация была потрясающей в том смысле, что она потрясла основы моей личной жизни. И длилось это «потрясение» три года.

Во-первых, я был «невыездной»: даже в ГДР не выпускали.

Во-вторых, долгое время приходилось обсуждать на кухне с женой вопрос о том, как мы будем жить, если меня выгонят с работы, не арестуют, конечно, но просто выгонят с работы. И мы придумали такой выход: будем доставать какие-нибудь тексты, я буду переводить с английского под чужой фамилией, так будем зарабатывать на жизнь...

Это - вторая крупная веха. А дальше, вообще-то говоря, не так все интересно. Конечно, были события, которые я ценю. Например, когда вместе с вами, Евгений Борисович, и другими моими коллегами выпустил эту нашу «белую книгу» о синтезе и эволюции стран Востока, а потом - вторую книгу о роли города в формационном развитии Востока. Вы, как участник, все это помните...

Если первая наша книга прошла на ура, пользовалась вниманием, целых три дня шла конференция, ее обсуждавшая, то со второй книгой произошла разительная перемена. На «Город» никто не обратил внимания, почти никто эту книгу не заметил. Начались политические потрясения в стране, и потрясения эти вмешались в наши научные биографии - мою и всех моих коллег. Наука уже переставала интересовать кого-либо, кроме самих ученых.

Это была грустная веха, конечно. Потом я издавал что-то еще, в частности, вышла моя последняя крупная книга «Что мы построили». По расчету, она должна была выйти как раз за день до того, как М.С. Горбачева пленили в Форосе. Однако, узнав о путче, я попросил задержать книгу на несколько дней. Неведомо было, то ли Горбачева уже нет в живых, то ли он надолго останется пленником, поэтому в книге было добавлено мое посвящение незаконно отрешенному президенту...

Я благодарен издательству «Прогресс», которое пошло на то, чтобы безо всяких проволочек, приостановив печатание тиража, ввести это краткое посвящение.

Выходом этой книги заканчивается мое «триумфальное шествие» внутри страны. В дальнейшем я чаще публиковал свои работы за рубежом: в Америке вышли две книги по темам моих предыдущих исследований, статьи, главы в монографиях, но все это лишь просто приятные события текущей жизни, которые я уже не могу назвать вехами. Есть и некоторая горечь: за пределами моей страны больше интересуются моими публикациями, чем в самой России.

Е.Р. Второй вопрос, Нодари Александрович, как бы продолжение первого. И снова, прошу вас, в двух словах: какие идеи представляются вам центральными, самыми важными в комплексе вашего мировоззрения, в комплексе ваших научных и общественно-научных трудов?

Н.С. Трудно сказать... Меня с какого-то момента моей жизни перестали интересовать собственные идеи. Но мне представляется особо важным и желательным, чтобы в нашем обществе, в российском обществе, существовала возможность активной научной и научно-общественной работы. В советское время это было крайне затруднено по соображениям идеологическим, но попытки делались и подчас удавались. А ныне ситуация трудна невероятно, но – в совершенно ином плане. Я имею в виду прежде всего невостребованность ученых и все то, что ей сопутствует. И конечно, меня привлекают идеи, которые могли бы нам показать, как выйти из этого тягостного для нашей науки состояния. Ведь происходит не просто обесценение науки, но буквально ее разрушение.

Первая, самая главная тому причина – внутреннее состояние нашего научного сообщества, его тянущаяся уже двадцать лет – хотя, надеюсь, и временная – деградация. Далее, это разрушение науки связано, как ни странно, и с техническим прогрессом. С Интернетом, с глобализацией, с ускорением жизненных ритмов. Когда некоторые страны или народы вынуждены достраивать свою историю за какие-нибудь 25–30 лет. То, что некоторые народы Европы проходили за долгие столетия (становление современной цивилизации, ее развитие, углубление, расширение, совершенствование), иные страны, вынужденные обращаться к догоняющим моделям, должны проходить за краткие временные отрезки – за считанные десятилетия, сосредоточиваясь в основном на технологической стороне дела.

Тут-то и начинается глубокая драма у любого народа, оказавшегося в ситуации догоняющего развития: народ «скачет» от архаики к капитализму и далее – к попыткам внедрения в жизнь каких-то постиндустриальных институтов. Но психология-то остается прежней. Неприспособленность, неадаптированность к новым условиям характерна даже для тех, кто сам инициирует и внедряет новации. Все это вызывает огромное напряжение и в обществе, и в личности.

Это характерно и для нашей истории. Это характерно и для Южной Кореи, которую так часто ставят в пример. Ведь ее путь – путь от нищей крестьянской страны, где в 1960 г. жизненный уровень был ниже индийского, а ведь Индия выглядела эталоном нищеты и безысходности. И вдруг за тридцать лет – «чудо»!.. Когда я приезжаю в Южную Корею, то вижу, какие стрессы переживает масса населения, как тяжело воспринимают люди этот прогресс. Они не чувствуют себя счастливыми.

Вспоминается один эпизод моей жизни, когда я был еще мальчиком. Было это в Тбилиси перед самой войной. Сидим мы на балконе, приходит к нам в гости мой дядя, старший брат отца. И хотя он не занимался наукой и ничем подобным, у него была

некая склонность к философствованию. И когда соседка по балкону задала ему вопрос: «Будет ли здесь и везде в мире настоящий социализм?», он ответил грустно: «Социализм-то будет, только не уверен я, что люди будут счастливы...»

Сейчас значение этих слов открылось мне шире и полней, нежели в годы мальчишества. Так вот, смысл и средоточие развития человека – не в запусках очередного спутника или ракеты, не в наращивании мегабайт персональных компьютеров. Все это техника, способы достижения чего-то. Чего же именно?

Здесь я мог бы согласиться со словами М.С. Горбачева о том, что идея социализма в общем-то не умерла. Речь, разумеется, не о том «социализме», который, увы, столь привычен для нашего опыта и понимания. Неслучайно в нынешней Европе идея социал-демократии живет и оказывает на общество весьма значительное влияние. Мы убедились за эти последние годы: все, что было в истории сказано критического о капитализме, не так уж неверно. А ведь у нас в начале 1990-х гг. была эйфория: мол, все капиталистическое замечательно...

Я много ездил по странам Запада, не раз бывал в Соединенных Штатах. И не видел там по-настоящему счастливых людей. Хотя это самая богатая страна, трудно сказать, что тамошние люди счастливы. Те же самые человеческие заботы, масса проблем. Стало быть, важно улучшать качество жизни, развивать духовность. Ту самую, которая пропадает за торопливостью, суетой.

Если же вспомнить именно в этом контексте о нашей с вами проблематике, значимости научной работы, то я, знаете, боюсь, что из-за Интернета фундаментальная наука в нашей области может исчезнуть.

Я особо подчеркиваю конфликт Интернета и внутренних потребностей фундаментальной науки именно в гуманитарных областях. На тебя обрушивается лавина информации, масса разнородных, разноплановых и разноценных фактов. Но ведь важен не только и подчас даже не столько объем фактографии: важно заглянуть и зайти как бы за «ширму» фактов, проникнуть в их существо и взаимосвязь. И мне хотелось, чтобы в жизни оставались и место, и возможности для настоящей интеллектуальной, фундаментальной научной работы.

Е.Р. Я тоже хотел бы надеяться на это. Еще один вопрос, в чем-то продолжающий очерченную вами проблематику, а в чем-то ее корректирующий. Нодари Александрович, весь ваш жизненный и научный опыт, выражаясь по-нынешнему, мультикультурен. Ваша родина – Тбилиси, место удивительного сплава культур Кавказа, России, Европы, Ближнего Востока, Евразийской степи. Вы много занимались Китаем, Индонезией и всем ареалом Юго-Восточной Азии. Вы никогда не чуждались научных штудий из областей западной и отечественной истории. Вы побывали во многих странах Старого и Нового Света. Как отразился весь этот мультикультурный опыт – ваш личный многокультурный опыт – на вашем мировоззрении и трудах?

Н.С. Безусловно, отразился. И отразился даже – до всяких моих научных занятий – опыт моей

жизни в Тбилиси. Те полные семнадцать лет, которые я прожил в Тбилиси – детский сад, двор, школа и все прочее, – особые годы. Тогда Тбилиси был городом предельно интернациональным. Интернациональнее и представить себе невозможно. Дети чутко воспринимают весь характер окружающих их отношений. У нас никогда не было «этих проблем» – национальных, этнических и тому подобных. Двор наш был абсолютно интернационален. Грузины составляли, дай Бог, процентов десять; большинство было армян, много было русских, евреев немало, курды были, один азербайджанец, один осетин и т.д. Мы играли вместе. Сходный опыт – одиннадцать лет в школе. Школа наша была русская. Ее выбрал отец, решивший, что грузинского языка предостаточно дома и в общении с родственниками. И вот эта сорочка третья школа (а после того, как нас разделили с девочками, третья мужская) тоже была интернациональной.

Многие мои школьные друзья в 1950 г. вместе со мной приехали в Москву. Например, покойный Гарик Таривердиев (сейчас все знают, что это – Микаэл Таривердиев, а тогда его звали Гариком); ставший со временем известным ученым-синологом Липарит Кюзаджян, который долгое время работал в Институте научной информации по общественным наукам Академии наук. Был у меня и еще один школьный товарищ, может быть внутренне состоявшийся, но не добившийся широкого признания поэт, – именно с ним я и приехал в Москву. Он работал в газетах – в «Комсомольской правде» и в «Известиях», но при этом писал замечательные стихи и был трогательным человеком. Также, к сожалению, скончался. Умирают мои друзья...

Мы все были интернационалистами. Те трое, которых я назвал, – армяне. Но мы никогда не задумывались о различиях – о том, что я грузин, а они армяне. Был среди переехавших в Москву друзей и Боря Лившиц. И его мы тоже похоронили...

В моем кругу никогда не возникало разделений на этнической почве. Я благодарен своему родному городу – тогдашнему Тбилиси, еще не затронутому национализмом. Национализмом «золотой молодежи» из деревни, а потом и самой деревни, хлынувшей в город. Но в мои годы это был замечательный город: полное отсутствие национализма и подобных явлений в нашей тогдашней молодежной среде. А уж позднее, когда я поездил, посмотрел мир, пожил в Москве и многое понял, тогда я стал осознанным интернационалистом. Но, так или иначе, по самой сути дела – не по лозунгам, не по декларациям – с детства сформировалось мое интернациональное нутро. И это всегда отражалось в моем опыте – в моей деятельности и в научных работах. Даже в общественной работе, когда я старался бороться с ксенофобией в тех рамках, в каких мне это было доступно. Бороться со всем тем, что воспринималось мною как негативное в нашей научной и общественной жизни.

Весь этот мультикультурный опыт был для меня очень ценен и в поездках за рубеж, и в поездках по стране. Я много ездил, что называется, «от края до края», и по Северу, и по Югу тогдашнего СССР, и убе-

дился, что интернационализм и интеллигентность друг от друга неотделимы.

Е.Р. Нодари Александрович, позвольте еще один вопрос. Мы, люди социогуманитарного круга, из мира науки, мира научных знаний, – публика довольно своеобразная. Дело в том, что в наших занятиях, в нашей мыслительной «кухне», в наших построениях всегда какое-то пусть неявное, но все же важное место занимает сослагательное наклонение: как бы пошла история, как бы развивалась культура и экономика при некотором изменении их предпосылок и параметров? И я просил бы вас сказать несколько слов об этом.

Н.С. Вопрос ваш, Евгений Борисович, весьма сложен для импровизационного жанра интервью. Но все же попробую изложить свою точку зрения, причем опираясь в основном на материалы российской истории. Для меня изучение и серьезный анализ вариантов исторического развития представляется делом не только интересным и полезным, но и необходимым. Думается, что учет фактора альтернативности насыщен во многих отношениях.

Во-первых, выплывает сама описательная сторона исторического исследования, став объемнее и, стало быть, адекватнее реальности, нежели жестко линейные ее реконструкции.

Во-вторых, анализ альтернативности служит дополнительным фактором, делающим историю подлинной наукой, а не простым нанизыванием событий прошлого на нить повествования. Фактор альтернативности помогает, на мой взгляд, точнее и четче высветить ту роль, которую играют в развитии человеческих обществ закономерности и случайности.

Я против упрощенного, «лобового» противопоставления этих двух категорий понимания человеческой истории. Они даны нашему разуму в единстве, во взаимодействии, взаимодействии сложном, диалектическом, неоднозначном. Важная задача историка (социолога, философа, политэконома, – от междисциплинарного подхода нам не уйти) в том, в частности, и заключается, чтобы определить некие рамки, некое историческое поле, в котором проявляются соответствующие закономерности и случайности. Действительно, важно выявить, как они проявляются, как пересекаются, действуют ли в общем направлении, ускоряя исторический прогресс, или же происходит их столкновение, могущее привести к результатам самого негативного свойства – вплоть до тупиков развития.

В-третьих, исследования проблем альтернативности имеют важное значение для будущего развития человечества, в частности в плане наращивания потенциала познания закономерностей общественного развития, накопления знаний о множественных вариантах взаимодействия между закономерностью и случайностью. Может быть, это пригодится в то отдаленное от нас время, когда люди окажутся наконец способными извлекать уроки из своего и чужого исторического опыта.

Я полагаю, что мы слишком поспешно и неразумно отказались от концепции формационного развития. Психологически понятно, что этот отказ

произошел в оправданном порыве накопившегося неприятия и отвержения того примитива, который Сталин и его «верные ученики» от политической экономии, философии, истории, социологии навязывали нам – чуть ли не с детского сада – под видом «марксизма-ленинизма». У меня не вызывает удивления, что на Западе многие (хотя далеко не все!) в упор не хотят замечать ту пропасть, которая отделяет подлинные идеи и построения Маркса, Энгельса и даже Ленина о формационном развитии от того, что Сталин и его подручные выдавали за марксизм. Но мне непонятно, зачем это нужно нам, серьезным ученым? Почему мы, вслед за политиками, должны становиться на сомнительный путь радикального нигилизма?

Здесь, очевидно, следует сделать одну важную оговорку: под формацией я никогда не имел в виду одну только социально-экономическую сферу. Речь шла об определенном типе всего общества – от его экономического базиса, через соответствующую ему социальную структуру, политическую надстройку, культуру, идеологию, психологию и т.д.

Так я считал раньше (когда в середине 1970-х гг. выступил с достаточно резкой критикой советского обществоведения) и думаю теперь, что закономерности развития человеческих обществ проявляются прежде всего в сфере отношений формационных. И, разумеется, не в том примитивном смысле, что каждое данное общество должно обязательно и последовательно пройти через все известные формации. И уж тем более я не склонен к жесткому ограничению численности типов формаций. Уверен, что без учета азиатского способа производства (одно даже упоминание которого считалось у нас крамолой) мы не можем понять суть общественного развития большинства стран Востока. Но рассуждая об альтернативности формационного развития, мы, очевидно, не должны выпускать из поля зрения международные факторы. Ведь различные страны и народы развиваются неравномерно, и в каждый момент в мире существуют, и в той или иной степени соприкасаются, и влияют друг на друга разные цивилизации и разные типы формационного развития. И чем шире и глубже протекают процессы интернационализации мировой экономики и политики, тем выше уровень альтернативности в обществах догоняющего развития. О внутренней напряженности процессов догоняющего развития мы с вами уже говорили.

Вместе с тем закономерность проявляется в том, что заимствование «чужого» варианта формационного развития возможно, а в некоторых случаях даже неизбежно, но имеет свои пределы и ограничено степенью сохранения в данном «догоняющем» обществе элементов «почвенности», традиционных структур и психологии.

Так, Петр I в рамках политики «самоусиления» (я здесь сознательно прибегаю к термину, возникшему в Китае на рубеже XIX–XX вв., когда тамошние реформаторы добивались примерно тех же целей, что и наш император) заимствовал такую форму, как «мануфактура» для развития отечественной промышленности. Или, точнее, того, что мы сейчас назвали бы ВПК. Однако наши историки-патриоты

разных времен полностью игнорируют при этом социально-экономическую суть всех этих петровских мануфактур, которые были не только казенными, но и основанными на рабском труде крепостных крестьян, то есть ничего общего не имели с капиталистической мануфактурой европейского типа.

Примерно такого же порядка явления можно было наблюдать и в 1990-х гг. предшествующего века. Когда, например, Гайдар и Чубайс инициировали массовое формирование «акционерных обществ», то за этой заимствованной формой скрывалось отнюдь не современное капиталистическое содержание. Так что классическая западная схема (собственник – менеджер – коллектив работников), в которой главной задачей была оптимизация прибылей собственников, у нас просто не осуществилась.

Наши «менеджеры» (директорский корпус) работают не на собственников (акционеров), а на себя. Легко подмяв под себя рабочие коллективы и профсоюзы (там, где они есть), наши директора отгеснили (иногда с применением насилия) «чужих» акционеров на периферию (иными словами, денежки вкладывай, а вмешиваться и командовать – ни-ни!). Да и большинство «чужих» инвесторов, как показала практика всех этих лет, и не помышляло о реструктуризации производств, тем самым давая повод для негативного к себе отношения. В итоге мы получили не современный цивилизованный капитализм, но бюрократический капитализм или бюрократический госкапитализм регионального и муниципального уровней с активным участием руководителей местной администрации, правоохранительных органов и криминально-мафиозных структур...

Но вернемся к семнадцатому году. Да, в период между Февралем и Октябрем альтернативность, безусловно, существовала. Но какая? Думается, это не была альтернатива буржуазной демократии и большевистской диктатуры, как в этом часто пытались и до сих пор пытаются убеждать нас многие историки, политологи, литераторы. Вероятности прямого, непосредственного заимствования западного капитализма и соответственно западной демократии не существовало.

Мне могут возразить, что после Крестьянской реформы 1861 г. капитализм в России быстро развивался. Но в том-то и заключалась, на мой взгляд, крупная ошибка Ленина, равно как и многих ученых последующих времен, что за «лесом» цифр, свидетельствовавших об экономическом росте, они не разглядели самой модели формировавшегося капитализма. Это был насаждавшийся «сверху» капитализм. Капитализм как следствие процесса, если вспомнить Энгельса, «выращивания» капиталистов. В результате сформировалась «небоскрежная» модель бюрократического госмонополистического капитала, включавшая в себя элементы царского окружения, группы нуворишей и представителей иностранного капитала. Нечто подобное повторилось позднее и в Иране во времена последнего шаха. В отличие от «пирамидальной» модели западного капитализма, где верхушка ГМК покоится на широкой основе крупного, среднего и мелкого частнохо-

зийственного капитализма, модель «небоскрежная» была весьма неустойчивой и легко опрокидываемой. Так и произошло в обеих монархиях – российской и иранской – с разрывом в несколько десятков лет. Вот вам и наглядное проявление определенной закономерности.

В семнадцатом году были, разумеется, люди, которые хотели современного демократического капитализма и боролись за него. Но это была лишь альтернатива устремлений, но не альтернатива реальных социальноэкономических процессов. Вся история человечества, в том числе и вся история Запада, свидетельствует, что после первичных и даже вторичных политических буржуазных революций, после кратковременной эйфории («свобода, равенство, братство!») неизбежно наступал откат и утверждалась диктатура. Альтернативность выражалась в вариантах диктатур: бонапартизм, монархическая реставрация, олигархический режим, плутократия и т.д. Но в любом случае в обществе со смешанной переходной экономикой, в многоукладном обществе (не только в экономическом смысле, но и в политическом, социальном, духовном) демократия сразу возникнуть не могла. В Англии на это потребовалось около 180 лет, во Франции – уже только 80. Так обстояло дело и в 1917 г. в России. И здесь альтернативность существовала в рамках широкого диапазона вариантов диктатур – от монархической реставрации (прикрывающей финансовую олигархию) до бонапартистской диктатуры (Корнилов, Деникин, Врангель и др.) и диктатуры «пролетарской» (как это и случилось).

Что касается НЭПа, то и о нем шло множество споров. Для меня удивительна сама постановка вопроса: возможна ли была нэповская альтернатива? Да ведь был же НЭП, действовал и приносил плоды. И для меня безусловно ясно, что, проживи Ленин еще пять–восемь–десять лет, то возврата (то есть стопроцентного отката к состоянию военно-бюрократического коммунизма) не произошло бы. Возможно, был бы частичный откат, но общая тенденция формирования того «особого госкапитализма», который Ленин считал главным содержанием НЭПа, сохранилась бы. Кстати, эта тенденция начисто игнорировалась не только Сталиным, но и всей последующей советской историографией.

Дело здесь не только и не просто в самой личности Ленина (хотя в тот исторический момент это был решающий фактор в сохранении именно данного варианта диктатуры), но и в более глубоких вещах. НЭП был выражением закономерного отката, неизбежного в отсталой крестьянской стране.

Перевод «стрелки» с ленинского НЭПа на сталинскую административно-командную тоталитарную систему дает нам еще один наглядный пример соотношения случайности и закономерности в истории российского общества. Опираясь на полуплюмпенские и пауперские элементы в партии и госаппарате, Сталин сумел навязать стране свою диктатуру и свой вариант развития, но эта навязанная обществу альтернатива шла против естественной исторической тенденции, и поэтому с объективной неизбежностью оказалась тупиковой.

То есть случайность – болезнь и смерть Ленина и приход к власти Сталина (блестяще использовавшего приемы демагогической мимикрии под «верного ленинца») – смогла повернуть «стрелку» и направить «бронепоезд» по другому пути, в сторону от закономерного. Однако закономерность проявилась через «победившую случайность», но в соответственно искаженном и мстительном варианте, заведя на долгие десятилетия все общественное развитие в исторический тупик... О таковой возможности в отсталой крестьянской стране упоминал и сам Ленин, уже после прихода к власти.

Другой наглядный пример драматического столкновения случайности и закономерности мы с вами наблюдали уже совсем недавно. С началом перестройки, казалось бы, появилась возможность исправить историческую ошибку, возродить на новом уровне и в новых условиях тенденции НЭПа. Но я помню свое искреннее удивление, наблюдая в конце 1980 – начале 1990-х гг. то единодушие, в котором сомкнулись наши и левые, и правые радикалы в своем отрицании НЭПа. Наша политическая элита опять вознамерилась наступить на те же исторические «грабли», опять пойти против естественно-исторического хода вещей, и на время это удалось. Но чувствительная дама История вновь отомстила за подобное пренебрежение.

Ибо, на мой взгляд, и в начале 1990-х гг. альтернативного выбора между демократией и квазисоциалистической диктатурой в России не существовало. Ведь стартовые условия по сравнению с 1917 г. были во многих отношениях даже позади были примерно 30 лет жесточайшего тоталитарного режима и еще столько же – его медленного, поэтапного разложения. Поэтому горстка людей, выступавших в августе 1991 г. под знаменами демократии и либерализма, даже захватив на минуту власть в стране, могла лишь расчистить путь для бюрократического капитализма.

Сразу же оговорюсь: я употребляю этот термин не в ругательном, а в чисто научном, политэкономическом смысле. Десятки стран Востока в своем догоняющем развитии с объективной неизбежностью прошли через фазу бюрократического капитализма, и некоторые из них (Южная Корея, Сингапур, Малайзия, Тайвань и др.) достигли выдающихся успехов. Поэтому вина наших радикал-либералов не в том, что они допустили этот самый бюрократический капитализм. Это было неизбежно и началось еще при Горбачеве. Вина в другом: своей политикой всеобщей либерализации они невольно способствовали формированию наихудшего, наиболее паразитарного варианта бюрократического капитализма – варианта, олицетворением которого была некогда Индонезия времен президента Сукарно.

Главное различие двух вариантов бюрократического капитализма заключается в характере взаимоотношений между верховной властью и бюрократией. В первом варианте верховная власть жестко контролирует деятельность бюрократии, которая выступает лишь инструментом реализации национальной стратегии развития. Во втором варианте из-за слабости и безволяности верховной

власти бюрократия оказывается самым свободным классом, использующим свое государственное положение для «первоначального накопления» и личного бизнеса. Значительная часть наших либералов, провозглашая лозунги западной демократии, на деле невольно инициировала второй вариант бюрократического капитализма. Старая, советская, а также пополнившая ее ряды новая номенклатура сразу воспользовались этой либерализацией в своих узко корыстных интересах и начали дележ государственного «пирога». Большинство же руководящих либералов, боясь опоздать к разделу «пирога», бестрепечно вписались в ряды урчащих и грызущихся бюрократических капиталистов, в одночасье став директорами коммерческих банков, финансовых и промышленных корпораций и т.д.

Таким образом, закономерность посмеялась над субъективностью и случайностью, пошедшими против нее. Это, конечно, случайность, что либерал-радикалы оказались на минуту у кормила власти и попытались помешать возвращению к НЭПу, но последний все-таки наступил, хотя и в наихудшей форме...

Строго говоря, НЭП и был бюрократическим капитализмом (государственное инициирование коммерческой деятельности). Через 70 лет мы все равно пришли к тому, что Ленин пытался начать в первой половине 20-х гг., только делаем это наиболее разрушительным для экономики и болезненным для миллионов людей путем.

Мне кажется, что это должно было послужить серьезным уроком для всех любителей – и левых, и правых – отрицать закономерности развития человеческих обществ и идти им наперекор. Впрочем, современная действительность и поведение большинства нецентристских партий в России оставляют не так уж много места для подобного оптимизма.

Е.Р. Нодари Александрович, как, на ваш взгляд, влияет вся эта ситуация на характер духовных отношений в нынешнем российском обществе?

Н.С. Боюсь, что вся эта система бюрократического капитализма с ее явно криминальными оборотами накладывает определенный отпечаток на институты, связанные с духовной сферой. Неслучайно так много пишется в прессе об элементах ожесточения, огрубения и коррупции в нашем как художественном, так и религиозном истеблишменте.

Е.Р. И последний вопрос, Нодари Александрович. Какова, на ваш взгляд, роль социогуманитарных наук и ученых социогуманитарного круга в возможной стратегии выживания и дальнейшего развития России?

Н.С. Я вообще считаю, что если кому-то и суждено обеспечить это выживание, о котором вы, Евгений Борисович, спрашиваете, то именно ученым этого плана, этого круга. Потому что, как мне кажется, в массе своей ученые-естественники и технологи озабочены в первую очередь успехами своей конкретной области и не всегда могут контролировать последствия своих трудов. Последствия сделанного открытия, когда джинн уже выпущен из бутылки. Для них главное – сделать открытие. А вот А.Д. Сахаров был, по сути дела, единственным,

осознавшим всю пагубность применения ядерной энергии, – применения в его нынешнем виде. А остальные – едва ли не 99% – не каются, не признаются в том, что сотворили нечто такое, что несет несомненный вред, ущерб нынешнему состоянию человечества, ущерб, превышающий ту пользу, которую приносят эти открытия.

Я не ретроград, конечно, и не против прогресса, но если бы мы полетели в космос на полвека позже, а за счет этой отсрочки смогли бы поднять благосостояние нашего населения хотя бы на 50%, я был бы только «за».

Случись полет в космос на полвека позже – или даже на целый век, – что это изменило бы кардинально в жизни человека? Пока эта гонка ничего к лучшему в человеческой жизни не изменила. А вот люди, которые занимаются социогуманитарными науками, они все-таки осмысливают жизнь и общество, как таковые, осмысливают поведение и устремления людей. И если только гуманитарии все не вымрут (что, к сожалению, угрожает сейчас нашей стране, ибо если еще с десяток лет продолжится то, что мы имеем ныне, нам придется, произнеся надгробные речи по нашим коллегам, повесить амбарный замок на дверях института, а сам институт объявить закрытым), именно они будут способствовать тому, что наше будущее, может быть, не уйдет от нас.

Не уйдет в чужие страны, в другие регионы, в другие области человеческой деятельности внутри нашей собственной страны. В те области, которые не имеют ничего общего с постижением человеческой действительности... Поэтому тот небольшой отряд людей, который все еще сохраняется и не мыслит своей жизни вне рамок собственного исконного призвания, – вот это пока и есть моя единственная надежда. И, может быть, когда-нибудь эти люди будут услышаны, будут услышаны их рекомендации, их тревоги и опасения, их сценарии, пусть даже в чем-то условные и спорные. Но давайте лучше спорить о сценариях нашего дальнейшего развития, а не уничтожать вообще всякую возможность сценариев и споров.

Вот почему я возлагаю особые надежды именно на эту группу людей.

Е.Р. Нодари Александрович, я чрезвычайно благодарен вам за то, что вы сумели – при всей вашей занятости – выкроить время для этой беседы. Многого и в вашем жизненном пути, и в мировоззрении полно парадоксов. И я признателен вам за парадоксальность этого интервью. Ибо, на мой взгляд, парадоксы глубочайшим образом встроены во внутренний порядок Вселенной, в общий порядок жизни и неотъемлемого от жизни человеческого мышления. А уж описание и анализ парадоксов в мышлении ученого – дело будущих историографов науки.

Н.С. Большое спасибо. Будем стараться...

Rashkovsky E.B. The fate of the scientist, the fate of science.